

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВА, ПРИМЕНИМОГО К ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИМ СДЕЛКАМ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. В. Мещанова

Белорусский государственный университет

В современном международном частном праве доминирующим принципом, на основе которого определяется право, применимое к договорам с участием иностранного элемента, является принцип «автономии воли сторон». Этот принцип нашел отражение в ст. 1124 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Вместе с тем наиболее значительные проблемы на практике вызывает ситуация, когда по вопросу выбора применимого права соглашение сторон отсутствует. В этом случае международная практика, как правило, использует презумпцию о регулировании договора правом страны, «с которой он наиболее тесно связан» (такого подхода придерживается, например, Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г.). В законодательстве Республики Беларусь принцип «наиболее тесной связи» также находит свое отражение, однако его использование и трактовка отличаются значительной спецификой.

Так, принцип «наиболее тесной связи» закреплён в качестве общего начала в п. 3 ст. 1093 ГК: «Если в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи невозможно определить право, подлежащее применению, применяется право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями, осложненными иностранным элементом». Из приведенной формулировки прослеживается, что при определении применимого права национальное законодательство Республики Беларусь отдаёт предпочтение жестким коллизионным нормам, а гибкие нормы, основанные на принципе «наиболее тесной связи», использует только как вспомогательное, субсидиарное средство.

При определении права, применимого к договору в отсутствие соглашения сторон по данному вопросу, в качестве основополагающей нормы выступает не принцип «наиболее тесной связи», а доктрина «характерного исполнения», которая

конкретизируется применительно к 15 видам договоров (п. 1 ст. 1125 ГК).

Таким образом, для определения применимого права законодательство Республики Беларусь не использует презумпции, подменяя их доктриной «характерного исполнения», которая предопределяет, в свою очередь, более жесткий характер коллизионного регулирования. Указанная жесткость создает необходимость введения механизмов, обеспечивающих учет специфики договоров, не вошедших в состав перечисленных 15. Это было сделано благодаря включению в ст. 1125 ГК пункта 4, который устанавливает правило о применении права страны, «где имеет основное место деятельности сторона, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания такого договора».

Данное правило является непосредственным выражением доктрины «характерного исполнения». При невозможности установления исполнения, являющегося характерным, применяется принцип «наиболее тесной связи» (п. 4 ст. 1125 ГК). Итак, при внешней схожести основных положений Римской конвенции 1980 г. и законодательства Республики Беларусь наблюдаются различия концептуального характера. Римская конвенция использует доктрину «характерного исполнения» в качестве «общей» презумпции для толкования принципа «наиболее тесной связи». Ставя на первое место при определении применимого права доктрину «характерного исполнения», раздел VII Гражданского кодекса Республики Беларусь демонстрирует преемственность с положениями Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.

Если остановиться на специальных коллизионных нормах, определяющих выбор права, применимого к договору по законодательству Республики Беларусь, обращает на себя внимание содержание п. 2 и 3 ст. 1125 ГК.

Пункт 2 регулирует вопрос выбора применимого права в отношении договоров, предметом которых является недвижимость, а также по договору о доверительном управлении имуществом. В указанных случаях закрепляется принцип закона места нахождения вещи (*lex rei sitae*). Следовательно, п. 2 представляет собой изъятие из общего регулирования, предусмотренного в п. 1, хотя напрямую в тексте п. 2 об этом не упоминается.

В отличие от пункта 2 пункт 3 прямо закрепляет формулировку, свидетельствующую о наличии исключения: «при отсутствии соглашения сторон договора о подлежащем применению праве применяется независимо от положений пункта 1 настоящей статьи...». Иными словами, в случаях, указанных в п. 3, применяется не доктрина «характерного исполнения», а специальные коллизионные привязки. Так, к договорам о совместной деятельности и к договорам о выполнении строительных, монтажных и других работ по капитальному строительству применяется право страны, где такая деятельность осуществляется или создаются предусмотренные договором результаты. Итак, содержание п. 2 и 3 ст. 1125 ГК представляет собой изъятие из действия доктрины «характерного исполнения». При этом вопрос о соотношении указанных выше коллизионных привязок с принципом «наиболее тесной связи» в законодательстве Беларуси не определен.

Следует отметить, что действующая редакция норм международного частного права, содержащихся в законодательстве Республики Беларусь, является намного более прогрессивной по сравнению с нормами Гражданского кодекса 1964 г. Наблюдается последовательный переход от «жестких» к «более гибким» коллизионным началам, используется принцип «наиболее тесной связи» в сочетании со специальными «жесткими» коллизионными нормами, возросло количество двусторонних коллизионных норм, в том числе альтернативных и кумулятивных. Вместе с тем гибкий механизм коллизионного регулирования предполагает применение принципа «наиболее тесной связи» более последовательно.

Учитывая современные тенденции в развитии международного частного права, предлагаем повысить значение данного принципа в законодательстве Республики Беларусь и закрепить его в качестве основополагающего начала при установлении применимого права в сфере договорных обязательств.